

Жизнь и воззрения Карла Юнга

Карл Густав Юнг родился 26 июля 1875 г. в швейцарском местечке Кесвиль в семье священника евангелически-реформатской церкви. Семья Юнгов происходила из Германии: прадед К. Юнга руководил военным госпиталем во времена наполеоновских войн, брат прадеда некоторое время занимал пост канцлера Баварии (был женат на сестре Ф. Шлейермахера). Дед — профессор медицины — переехал в Швейцарию с рекомендацией А. фон Гумбольдта и слухами, будто он внебрачный сын Гёте, Отец К.Юнга помимо теологического образования получил степень доктора филологии, но, разуверившись в силах человеческого разума, оставил занятия восточными языками и какими бы то ни было науками вообще, полностью отдавшись вере. Мать Карла Густава происходила из семьи местных бюргеров, которые на протяжении многих поколений становились протестантскими пасторами. Религия и медицина, таким образом, соединились в этой семье задолго до рождения Карла Густава.

Семья принадлежала к “хорошему” обществу, но едва сводила концы с концами. Детство и особенно юность Юнга прошли в бедности. Он получил возможность учиться в лучшей гимназии Базеля, куда переехала семья, только благодаря помощи родственников и сохранившимся связям отца. Необщительный, замкнутый подросток, он так и не приобрел себе приятелей (от вытекающих отсюда неприятных последствий его избавляли высокий рост и изрядная физическая сила). К внешней среде приспосабливался с трудом, нередко сталкивался с непониманием окружающих, предпочитая общению погружение в мир собственных мыслей. Словом, представлял классический случай того, что сам он назвал впоследствии “интроверсией”. Если у экстраверта психическая энергия направлена преимущественно на внешний мир, то у интроверта она перемещается к субъективному полюсу, к образам собственного сознания. Свои мемуары Юнг не зря назвал “Воспоминания, сновидения, размышления” — сновидения играли огромную роль

психология” своим методом чем-то напоминает археологию. Известно, что Фрейд неоднократно сравнивал психоанализ с этой наукой и сожалел, что название “археология” закрепилось за поисками памятников культуры, а не за “раскопками души”. “Архе” — первоначально, и “глубинная психология”, снимая слой за слоем, движется к самым основаниям сознания.

Однако в Базеле археология не преподавалась, а в другом университете Юнг учиться не мог — скромную стипендию ему могли выплачивать лишь в родном городе. Сегодня спрос на выпускников естественно-научных и гуманитарных факультетов университета велик, но в конце прошлого века ситуация была иной. Профессионально заниматься наукой могли лишь материально обеспеченные люди, кусок хлеба гарантировали теологический, юридический и медицинский факультеты. Юриспруденция была Юнгу совершенно чужда, протестантская теология вызывала отвращение, тогда как медицинский факультет наряду с профессией, позволявшей выбраться из нищеты, давал и сносное естественно-научное образование.

Как и в гимназии. Юнг отлично учился в университете, вызывая удивление своих сокурсников тем, что помимо учебных дисциплин он отдавал много времени изучению философии. До последнего года обучения он специализировался по внутренним болезням, ему уже было обеспечено место в престижной мюнхенской клинике. В последнем семестре нужно было сдавать психиатрию, он открыл учебник и прочитал на первой странице, что психиатрия есть “наука о личности”. “Мое сердце неожиданно резко забилося, — вспоминал Юнг в старости. — Возбуждение было необычайным, потому что мне стало ясно, как при вспышке просветления, что единственно возможной целью для меня может быть психиатрия. Только в ней сливались воедино два потока моих интересов. Здесь было эмпирическое поле, общее для биологических и духовных фактов, которое я искал повсюду и нигде не находил. Здесь же коллизия природы и духа стала реальностью”⁴. Человеческая психика является местом встречи науки и религии, конфликт между ними преодолим на пути подлинного самопознания. Тут же было принято решение, которое удивило всех — психиатрия считалась самым непрестижным для медика занятием, хотя бы потому, что все успехи медицины в XIX в. не привели к заметным результатам в лечении психических заболеваний. После окончания университета Юнг переезжает в Цюрих, начинает работать в клинике Бургхёльци, руководимой видным психиатром Э.Блейлером.

Базель и Цюрих имели для Юнга символическое значение как два полюса европейской духовной жизни. Базель — живая память европейской культуры.

В университете не забывали о преподававшем в нем Эразме и учившемся Гольбейне, на филологическом факультете преподавали профессора, лично знавшие Ницше. Интерес Юнга к философии мог вызвать недоумение у медиков, но философия считалась в Базеле необходимой стороной культуры. В Цюрихе же она, наоборот, считалась непрактичным “излишеством”. Кому нужны все эти ветхие книжные знания? Наука тут рассматривалась как полезное орудие, ценилась по своим приложениям, эффективному применению в индустрии, строительстве, торговле, медицине. Базель уходил корнями в далекое прошлое, в то время как Цюрих устремлялся в столь же далекое будущее. Юнг видел в этом “раскол” европейской души: рассудочная индустриально-техническая цивилизация предаёт забвению свои корни. И это закономерно, ибо душа окостенела в догматическом богословии. Наука и религия вступили в противоречие именно потому, полагал Юнг, что религия оторвалась от жизненного опыта, тоща как наука уходит от важнейших проблем, она держится плотского эмпиризма и прагматизма. “Мы стали богатыми в познаниях, но бедными в мудрости”, — напишет он вскоре. В созданной наукой картине мира человек есть лишь механизм среди других механизмов, его жизнь утрачивает всякий смысл. Необходимо найти ту область, где религия и наука не опровергают друг друга, а наоборот, сливаются в поисках первоисточника всех смыслов. Психология сделалась для Юнга наукой наук — именно она, с его точки зрения, должна дать современному человеку целостное мировоззрение.

В своих поисках “внутреннего человека” Юнг не был одинок. У многих мыслителей конца XIX — начала XX вв. мы обнаруживаем то же негативное отношение и к мертвому космосу естествознания, и к церкви, и к религии. Одни из них, например Толстой, Унамуно, Бердяев, обращаются к христианству и дают ему самое неортодоксальное толкование. Другие, испытав

душевный кризис, создают философские учения, которые иногда не без основания называют “иррационалистическими”, — так появляются прагматизм Джеймса или интуитивизм Бергсона. Ни эволюцию живой природы, ни поведение самого примитивного организма, ни тем более мир человеческих переживаний не объяснить законами механики и физиологии. Жизнь есть вечное становление, гераклитовский поток, “порыв”, не признающий закона тождества. И вечный сон материи, круговорот веществ в природе, и вершины духовной жизни суть лишь два полюса этого неудержимого потока.

Кроме “философии жизни” Юнга задела и мода на оккультизм. На протяжении двух лет он принимал участие в спиритических сеансах, познакомился с обширной литературой по астрологии, нумерологии и Другим “тайным” наукам. Эти увлечения студенческих лет во многом определили характер позднейших исследований Юнга. От наивной веры в то, что медиумы общаются с духами умерших, он скоро отошел. Сам факт общения с духами, кстати сказать, отрицают и серьезные оккультисты. Астральные тела не принимают участия в земной жизни, медиумы вступают в контакт лишь со своеобразными “раковинами”, “психическими оболочками”, сохраняющими отдельные черты населявшей их личности, которая к этому времени уже покинула астральный мир и перешла в более высокое измерение. Эти оболочки обладают лишь видимостью жизни, они оживляются психической энергией впавшего в транс медиума (или, во время столоверчения, энергией его участников). Поэтому в непроизвольном письме, в речах медиума могут проявиться какие-то реплики умерших, но о подлинном общении с духами не может быть и речи, поскольку материализуются лишь какие-то осколки этой “раковины”, соединившиеся к тому же с идеями и впечатлениями медиума.

Медиумом была дальняя родственница Юнга, полуграмотная девушка, не склонная к актерству и надувательству. Состояния транса были неподдельными; об этом свидетельствовало хотя бы то, что не окончившая гимназии девушка будучи в трансе переходила на литературный немецкий язык, которым в обычном состоянии не владела (швейцарский диалект сильно отличается от литературного верхненемецкого). Как и большая часть сообщений “духов”, это не выходило за пределы того, что было доступно сознанию медиума: на бессознательном уровне она могла владеть литературным немецким. “Духами” оказывались как бы “отколовшиеся” части ее личности, лежавшие за пределами сознания. Однако имелось одно важное исключение. Малограмотная девушка явно ничего не знала о космологии гностиков-валентиниан II в. н.э., не могла она придумать столь сложную систему, но в сообщении одного из “духов” эта система была изложена детальным образом.

Эти наблюдения легли в основу докторской диссертации К.Г. Юнга “О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов” (1902). Данная работа до сих пор сохранила определенное научное значение — Юнг дает в ней психологический и психиатрический анализ медиумического транса, сопоставляет его с галлюцинациями, помраченными состояниями ума. Он отмечает, что у пророков, поэтов, мистиков, основателей сект и религиозных движений наблюдаются те же состояния, которые психиатр встречает у больных, слишком близко подошедших к священному “огню” — так, что психика не выдержала, произошел раскол личности. У пророков и поэтов к их собственному голосу часто примешивается идущий из глубин голос как

бы другой личности, но их сознанию удается овладеть этим содержанием и придать ему художественную или религиозную форму. Всякого рода отклонения встречаются и у них, но зато имеется интуиция, “далеко превосходящая сознательный ум”; они улавливают некие “праформы”. Впоследствии Юнг назвал эти праформы архетипами коллективного бессознательного. Они в разное время появляются в сознании людей, как бы всплывают независимо от воли человека; праформы автономны, они не определяются сознанием, но способны воздействовать на него. Единство рационального и иррационального, снятие субъект-объектного отношения в интуитивном прозрении отличают транс от нормального сознания и сближают его с мифологическим мышлением. Каждому человеку мир праформ открывается в сновидениях, которые оказываются основным источником информации о психическом бессознательном.

Таким образом, к главным положениям собственного учения о коллективном бессознательном Юнг пришел еще до встречи с Фрейдом, произошедшей в 1907 г. К тому времени у Юнга уже было имя — известность ему принес прежде всего словесно-ассоциативный тест, позволивший экспериментально выявлять структуру бессознательного. В лаборатории экспериментальной психопатологии, созданной Юнгом в Бургхёльци, испытуемому предлагался список слов, на которые тот должен был тут же реагировать первым пришедшим на ум словом. Время реакции фиксировалось с помощью секундомера. Затем тест был усложнен — с помощью различных приборов замечались физиологические реакции испытуемого на различные слова-стимулы. Главное, что удалось обнаружить, — это наличие слов, на которые испытуемые не могли быстро найти отклик, либо удлинялось время подбора слова-реакции; иногда они надолго замолкали, “отключались”, заикались, отвечали не одним словом, а целой речью и т.д. При этом они не осознавали, что ответ на одно слово-стимул, например, занимал у них в несколько раз больше времени, чем на другое. Из этого Юнг сделал вывод о том, что такие нарушения в реагировании связаны с наличием заряженных психической энергией “комплексов” — стоило слову-стимулу “дотронуться” до такого комплекса, как у испытуемого появлялись следы легкого эмоционального расстройства. В дальнейшем этот тест способствовал появлению многочисленных “проективных тестов”, широко используемых и в медицине, и при подборе кадров, а также появлению столь далекого от чистой науки прибора, как “детектор лжи”. Юнг считал, что этот тест выявляет в психике испытуемого некие фрагментарные личности, расположенные за пределами сознания. У шизофреников диссоциация личности значительно более выражена, чем у нормальных людей, что в конечном счете ведет к разрушению сознания, распаду личности, на месте которой остается ряд “комплексов”. Впоследствии Юнг разграничивал комплексы личного бессознательного и архетипы коллективного бессознательного. Именно последние напоминают отдельные личности. Если раньше безумие объяснялось “одержимостью бесами”, которые приходили в душу извне, то у Юнга оказывалось, что весь их легион уже содержится в душе, и при определенных обстоятельствах они могут одержать верх над “Я” — одним из элементов психики. Душа всякого человека содержит в себе множество личностей, и у каждой из них имеется свое “Я”; время от времени они заявляют о себе, выходят на поверхность сознания. Древнее речение: “У нежити своего облика нет, она ходит в личинах” можно было бы применить к юнговскому пониманию психики — с той оговоркой, что сама психическая жизнь, а не “нежить”, обретает разного рода маски.

Конечно, эти идеи Юнга были связаны не только с психиатрией и психологическими экспериментами. Они “носились в воздухе”. К. Ясперс с тревогой писал об эстетизации разного

рода психических отклонений — так выражал себя “дух времени”. В творчестве многих писателей нарастал интерес к “легионам бесов”, населяющим темные глубины души, к двойникам, к “внутреннему человеку”, радикально отличному от внешней оболочки. Часто этот интерес, как и у Юнга, сливался с религиозными учениями. Достаточно упомянуть австрийского писателя Г. Майринка, на романы которого иногда ссылался Юнг (“Голем”, “Ангел в западном окне”, “Белый доминиканец” и др.). В книгах Майринка оккультизм, теософия, восточные учения служили как бы системой отсчета для противопоставления метафизически-чудесной реальности миру обыденного здравого смысла, для которого эта реальность “безумна”. Конечно, такое противопоставление было известно и Платону, и апостолу Павлу (“Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?”); оно присутствовало и в европейской литературе во времена Шекспира, Сервантеса, Калвдерона, было характерным для всего немецкого романтизма, произведений Гоголя и Достоевского, многих писателей нашего века. Однако здесь изменилась перспектива видения, была перевернута система координат: божественное, священное стали искать в бездне бессознательного, во тьме. Юнг писал в своих воспоминаниях, что в “Фаусте” его привлекал не образ главного героя, но, во-первых, знаменитые “Матери” из второй части, а во-вторых, Мефистофель, заявлявший, что он часть той силы, которая всегда “творит добро, всему желая зла”. Отличие Юнга от всякого рода декадентства, воспевающего зло, не вызывает сомнений: синтез витализма и спиритуализма, Шопенгауэра и алхимии, научной психологии и “тайных” наук не мог быть устойчивым.

Встречу с психоанализом нельзя назвать случайной, как и позднейший разрыв с Фрейдом. Хотя Юнг был очень многим обязан именно Фрейду, его трактовка бессознательного с самого начала отличалась от фрейдовской. Своими учителями он считал Э. Блейлера и П. Жане.

Блейлер писал о случаях раздвоения личности, об “аутическом мышлении”, которому противопоставлялось “реалистическое”, ввел в психиатрию термин “шизофрения” (т.е. расщепление, раскол личности). От Жане он унаследовал энергетическую концепцию психики: реальность окружающего мира требует определенного количества психической энергии и вместе с ослаблением ее притока происходит “понижение уровня сознания” (abaissements du niveau mental). В сновидениях, галлюцинациях, видениях присутствует тот же материал, который наполняет и бред психотика. Жане писал также о диссоциации личности (на две и более), причем лишь одна из них является носителем сознания (“Я”), другие считались выражением бессознательных сил. Однако, пока речь шла о методах психотерапевтического лечения, воздействие Фрейда было определяющим: хотя Юнг был и остается первым “еретиком” с точки зрения ортодоксального психоанализа, его техника лечения пациентов отличалась от фрейдовской незначительно. А имевшиеся все же отличия в психотерапии являлись следствием значительных расхождений взглядов как в области психологии, так и в философском видении человека. У создателя психоанализа на первом месте стоял конфликт сознания с вытесненными в бессознательное влечениями, имевшими преимущественно сексуальный характер. Отход Юнга от “пансексуализма” (“десексуализация либидо”) был связан не с пуританским ханжеством, как это представляли фрейдисты, а с отказом от натурализма и детерминизма XIX в. Позитивизм и физиологический материализм оказались непригодными в качестве фундамента психотерапии. Обращение Юнга к мифологии, религии, искусству не было прихотью. Одним из первых Юнг приходит к мысли о том, что для понимания человеческой личности — здоровой или больной — необходимо выйти за пределы формул естествознания. Не только медицинские учебники, но и

вся история человеческой культуры должна стать открытой книгой для психиатра. К биохимическим и физиологическим нарушениям можно отнести лишь незначительную часть психических заболеваний. Болеет личность, которую, в отличие от организма, можно понять лишь через рассмотрение ее социально-культурного окружения, сформировавшего ценности, вкусы, идеалы, установки. Индивидуальная история вливается в жизнь того или иного сообщества, а затем и всего человечества. Понимая это, Юнг был против сведения всех затруднений взрослого человека к его ранней предыстории, детству. Семья является первой инстанцией приобщения ребенка к человеческому миру, и от нее зависит многое, в том числе и психическое здоровье. Но для понимания нормы и патологии необходимо выйти на макропроцессы культуры, духовной истории человечества, в которую включается и которую интериоризует индивид. К сожалению, эту историю Юнг понимал в духе витализма; культурные по своей сути черты оказались биологически наследуемыми. К тому же из всего социального мира Юнг избрал область религиозно-мифологических представлений, обособив их от других сторон человеческой истории. Отличие от Фрейда заключалось и в общефилософском понимании “жизни”. Если у Фрейда психика и жизнь в целом представляют собой поле борьбы непримиримых противоположностей, то у Юнга речь идет скорее об утраченном первоначальном единстве. Сознание и бессознательное взаимно дополняют друг друга — китайские символы Инь и Ян, Андрогин алхимиков постоянно выступают как иллюстрации к психологическим работам Юнга.

Центральное понятие Юнга — это “коллективное бессознательное”. Он отличает его от “личностного бессознательного”, куда входят прежде всего вытесненные из сознания представления; там скапливается все то, что было подавлено или позабыто. Этот темный двойник нашего “Я” (его Тень) был принят Фрейдом за бессознательное как таковое. Поэтому Фрейд и обращал все внимание на раннее детство индивида, в то время как Юнг считал, что “глубинная психология” должна обратиться к гораздо более отдаленным временам. “Коллективное бессознательное” является итогом жизни рода, оно присуще всем людям, передается по наследству и является тем основанием, на котором вырастает индивидуальная психика. Подобно тому как наше тело есть итог всей эволюции человека, его психика содержит в себе и общие всему живому инстинкты, и специфически человеческие бессознательные реакции на постоянно возобновляющиеся на протяжении жизни рода феномены внешнего и внутреннего миров. Психология, как и любая другая наука, изучает универсальное в индивидуальном, т.е. общие закономерности. Это общее не лежит на поверхности, его следует искать в глубинах. Так мы обнаруживаем систему установок и типичных реакций, которые незаметно определяют жизнь индивида (“тем более эффективно, что незаметно”). Под влиянием врожденных программ, универсальных образцов находятся не только элементарные поведенческие реакции вроде безусловных рефлексов, но также наше восприятие, мышление, воображение. Архетипы “коллективного бессознательного” являются своеобразными когнитивными образцами, тогда как инстинкты — это их корреляты; интуитивное схватывание архетипа предшествует действию, “спускает курок” инстинктивного поведения.

Юнг сравнивал архетипы с системой осей кристалла, которая префигурирует кристалл в растворе, будучи неким невещественным полем, распределяющим частицы вещества. В психике таким “веществом” является внешний и внутренний опыт, организуемый согласно врожденным образцам. В чистом виде архетип поэтому не входит в сознание, он всегда соединяется с

какими-то представлениями опыта и подвергается сознательной обработке. Ближе всего к самому архетипу эти образы сознания (“архетипические образы”) стоят в опыте сновидений, мистических видений, когда сознательная обработка отсутствует. Это спутанные, темные образы, воспринимаемые как что-то жуткое, чуждое, но в то же время переживаемые как нечто бесконечно превосходящее человека, божественное. В работах по психологии религии для характеристики архетипических образов Юнг использует термин “нуминозное” (numinosum от латин. numen — божество), введенный немецким теологом Р. Отто в книге “Священное” (1917). Отто называл нуминозным опыт чего-то переполняющего страхом и трепетом, всемогущественного, подавляющего своей властью, перед которым человек лишь “персть смертная”; но в то же самое время это опыт величественного, дающего полноту бытия. Иначе говоря, у Отто речь идет о восприятии сверхъестественного в различных религиях, прежде всего в иудео-христианской традиции, причем в специфически лютеровском понимании “страха господня”. Отто специально подчеркивал, что нуминозный опыт есть опыт “Совсем иного” (ganz andere), трансцендентного. Юнг придерживается скептицизма, о трансцендентном Боге мы ничего не знаем и знать не можем. “В конечном счете понятие Бога есть необходимая психологическая функция, иррациональная по своей природе: с вопросом о существовании Бога она вообще не имеет ничего общего. Ибо на этот последний вопрос человеческий интеллект никогда не будет в состоянии дать ответ; в еще меньшей мере эта функция может служить каким бы то ни было доказательством бытия Бога”. Идея Бога является архетипической, она неизбежно присутствует в психике каждого человека, но отсюда невозможен вывод о существовании божества за пределами нашей души. Поэтому трактовка нуминозного у Юнга куда больше напоминает страницы Ницше, когда тот пишет о дионисийском начале, или Шпенглера, когда тот говорит о судьбе, но с одним существенным отличием — психологически идея Бога абсолютно достоверна и универсальна, и в этом психологическая правда всех религий.

Архетипические образы всегда сопровождали человека, они являются источником мифологии, религии, искусства. В этих культурных образованиях происходит постепенная шлифовка спутанных и жутких образов, они превращаются в символы, все более прекрасные по форме • всеобщие по содержанию. Мифология была изначальным способом обработки архетипических образов. Человек первобытного общества лишь в незначительной мере отделяет себя от “матери-природы”, от жизни племени. Он уже переживает последствия отрыва сознания от животной бессознательности, возникновения субъект-объектного отношения — этот разрыв на языке религии осмысливается как “грехопадение” (“станете как боги”, “знание добра и зла”). Гармония восстанавливается с помощью магии, ритуалов, мифов. С развитием сознания пропасть между ним и бессознательным углубляется, растет напряжение. Перед человеком возникает проблема приспособления к собственному внутреннему миру. Если мифология едва различает внешнее и внутреннее, то с появлением науки такое разделение становится свершившимся фактом. Адаптацию к образам бессознательного берут на себя все более сложные религиозные учения, по-прежнему покоящиеся на интуитивном опыте нуминозного, но вводящие абстрактные догматы.

По Юнгу, есть два типа мышления — логическое и интуитивное. Для логического мышления характерна направленность на внешний мир, это обеспечивает приспособление к реальности. Такое мышление протекает в суждениях и умозаклчениях, оно всегда словесно, требует усилий

воли и утомляет. Эта направленность на внешний мир требует образования, воспитания — логическое мышление есть порождение и инструмент культуры. С ним прежде всего связаны наука, техника, индустрия, являющиеся орудиями контроля над реальностью. Логическое мышление также связано с опытом архетипов, но это связь опосредованная. Религиозные символы сначала становятся пластичными философскими понятиями древних греков, затем платоновские “эйдосы” делаются схоластическими понятиями, картезианскими “врожденными идеями”, кантонскими априорными категориями, пока, наконец, не превращаются в инструментальные термины современного естествознания. Юнг высказывает гипотезу, согласно которой средневековая схоластика была своего рода “тренингом” для европейского ума — игра абстрактными сущностями готовила категориальный аппарат науки.

В традиционных обществах логическое мышление развито значительно слабее. Даже в Индии, стране с долгой традицией философского мышления, оно не является, по мнению Юнга, вполне логическим. Индийский мыслитель “скорее воспринимает мысль, в этом отношении он похож на дикаря. Я не говорю, что он — дикарь, но что процесс его мышления напоминает способ мыслепорождения, присущий дикарю. Рассуждение дикаря представляет собой в основном бессознательную функцию, он лишь воспринимает результат ее работы. Следует ожидать того же от любой цивилизации, которая имела традицию, почти не прерывавшуюся с первобытных времен”, Европа шла по пути развития экстравертивного логического мышления, все силы были обращены на покорение внешнего мира; Индия является классической цивилизацией интровертивного мышления, обращенного внутрь, ориентированного на приспособление к коллективному бессознательному.

Такое мышление протекает не в суждениях, оно предстает как поток образов и не утомляет. Стоит нам расслабиться, и мы теряем нить рассуждения, переходя к естественной для человека игре воображения.

Jung C.G. Psychology and the East L., 1978. P. 99. 16

Подобное мышление непродуктивно для приспособления к внешнему миру, поскольку оно уходит от реальности в царство фантазии, мечты, сновидчества. Зато оно необходимо для художественного творчества, мифологии и религии. “Все те творческие силы, которые современный человек вкладывает в науку и технику, человек древности посвящал своим мифам”⁷. Интровертивное мышление устанавливает равновесие с силами бессознательного.

Человеческая психика представляет собой целостность бессознательных и сознательных процессов, это саморегулирующаяся система, в которой происходит постоянный обмен энергией между элементами. Обособление сознания ведет к утрате равновесия, и бессознательное стремится “компенсировать” односторонность сознания. Люди древних цивилизаций ценили опыт сновидений, галлюцинаций как милость бо-жию, поскольку именно в них мы вступаем в прямой контакт с коллективным бессознательным. Если сознание уже не принимает во внимание опыт архетипов, если символическая передача невозможна, то архетипические образы могут вторгнуться в сознание в самых примитивных формах.

“Вторжения” коллективного бессознательного ведут не только к индивидуальным, но и к коллективным психозам, всевозможным лжепророчествам, массовым движениям, войнам. Сам Юнг пережил подобные состояния, которые он интерпретировал как такое “вторжение”. В 1912 г., после выхода книги “Метаморфозы и символы либидо” и разрыва с Фрейдом, начинается длительный психический кризис. По признанию самого Юнга, он был близок к безумию, его сознание буквально захлестывали кошмарные образы. Вот один из них: вся Европа залита кровью, потоки которой подступают к Альпам, поднимаются по Склонам гор, в крови плавают обрубки человеческих тел, весь мир залит кровью. Кошмарные видения прекратились в августе 1914 г., когда кровавый бред стал явью. Юнг увидел в этом подтверждение теории коллективного бессознательного: его сознание было лишь медиумом глубинных сил, таившихся в психике всех европейцев. Демоны вышли на поверхность, материализовались, и вместе с началом всемирной пляски смерти кончился его психический кризис.

Основные психологические труды Юнга были написаны между двумя мировыми войнами. Классификация психологических типов и функций, разработка теории коллективного бессознательного, проблемы психотерапии и возрастной психологии, однако, составляют лишь незначительную часть корпуса сочинений Юнга. Теория коллективного бессознательного распространяется на все более широкий круг явлений, учение Юнга все в большей мере приобретает черты философской доктрины. Он ищет подтверждения своих гипотез уже не только в опыте психотерапевтической практики, вся культура становится предметом аналитической психологии. С точки зрения Юнга, все в человеческом мире подвластно законам психологии, «душа народа есть лишь несколько более сложная структура, нежели душа индивида». Социально-политический кризис 20-30-х гг. объясняется вторжением архетипов. Расовая мифология нацистов, коммунистический миф о реализации «золотого века» — все это детски наивно с точки зрения разума, однако эти идеи захватывают миллионы людей. Факельные шествия, массовый экстаз и горячечные речи всякого рода «вождей», использование архаичной символики (та же свастика) свидетельствуют о вторжении сил, которые намного превосходят человеческий разум.

И все это коллективное безумие является закономерным следствием европейской истории, ее несравненного прогресса в овладении миром с помощью науки и техники. История Европы — это история упадка символического знания. Техническая цивилизация представляет собой итог не последних десятилетий, а многих столетий «расколдования» мира. Чем прекраснее, грандиознее передаваемый традицией образ, тем дальше он от индивидуального опыта нуминозного. Символы открывают человеку священное и одновременно предохраняют его от непосредственного соприкосновения с колоссальной психической энергией архетипов. В церкви символы приобретают догматический характер: догматы приносят священное в человеческий мир, организуют его, придают форму внутреннему опыту. Догматический опыт Юнг ставит выше мистического. Мистика приобретает широкое распространение именно в кризисные эпохи, когда догматы окостеневают, когда с их помощью уже трудно передать нуминозный опыт, когда поколеблена твердыня церкви. Мистик утратил упорядоченный божественный космос, он испытывает хаотические видения, за космическим порядком обнаруживается бездна. Средневековая католическая мистика формулировала опыт видений с помощью догматов, а потому она не имела трагического и жуткого характера мистики XV—XVI вв. Юнг чрезвычайно высоко ставил «католическую форму жизни» — церковные ритуалы пронизывают всю

человеческую деятельность, многие символы и ритуалы католицизма восходят к седой древности, воспроизводят древние мистерии.

Сегодня, отмечает Юнг, подобная «форма жизни» совершенно чужда большинству образованных европейцев, они разрушают традиционные общества по всему миру. Однако начало этому разрушению было положено не современной наукой или писаниями атеистов. Человечество на протяжении всей истории возводило защитную стену символов «против жуткой жизненности, таящейся в глубинах души». Эта стена стала разрушаться протестантизмом. Авторитет церкви был подорван, она превратилась в дом с рухнувшими стенами, в который «ворвались все беды и невзгоды мира». История протестантизма — это хроника штурма священных стен. На место церкви протестантизм поставил авторитет Писания, но предоставил каждому возможность интерпретировать Библию на свой лад. Филологическая и историческая критика, усилия герменевтики требовались для установления точного смысла Откровения, этот критицизм способствовал дальнейшему оскудению символического универсума, расколу протестантизма на сотни деноминации.

Протестантизм стал причиной бурного развития капиталистической индустрии и техники. Психическая энергия, уходившая ранее на строительство защитных стен, «освободилась и двинулась по старым каналам любознательности и стяжательства, а потому Европа стала матерью демонов, пожравших большую часть Земли». За Реформацией последовало Просвещение, а за ними — материализм естествознания. Разложенный на формулы символический космос сделался чуждым человеку, превратившемся в одну из физических сил. В образовавшийся вакуум хлынули абсурдные политические и социальные доктрины, начались катастрофические войны.

Современную ему Европу Юнг сравнивал с поздней античностью. После того как был услышан крик: «Великий бог Пан умер!», античная религия утратила всякую значимость. Божественное открывалось греку в пластически-чувственной форме; космос для него управлялся мерой, гармонией. На закате античности порядок мира воспринимался уже как демоническая сила. Человек оказывался во власти безличного рока — его символом стало звездное небо, вызывавшее восторженное почитание несколькими столетиями ранее в качестве символа гармонии мира. «Хотя столь же могущественные, но так же не близкие ему звезды сделались тиранами, — их боятся, но в то же время презирают, ибо они ниже человека». Плотин писал о гностиках, что душу даже самого ничтожного человека они считают бессмертной, но отказывают в этом звездному небу и даже самой мировой душе.

Греки и римляне обратились к ближневосточным религиям, пытаясь восполнить утрату священных символов. Результатом борьбы ряда восточных религий была победа христианства, которое многое позаимствовало у своих соперников и восстановило охранительную стену символов. Сегодня, когда Европа переживает крушение христианства, нынешние поиски символов и религий на Востоке кажутся оправданными. Однако сокровища восточной мудрости

оказываются совершенно непригодными для европейцев: они настолько пропитаны «чужой кровью», что не могут войти в символический универсум европейца и даже способны принести ему вред. Европейец не может облечься в них как в готовое чужое платье — Юнг сравнивал теософов с нищими, вырядившимися в княжеские одежды. Заимствуя тщательно разработанные системы идей и практики медитации, европейец только усугубляет свои противоречия. Для индуса йога является прекрасным средством психической саморегуляции, у европейца она оказывается дополнительным инструментом для подавления сил коллективного бессознательного. С точки зрения Юнга в западном варианте восточные учения либо приобретают черты примитивных религиозных движений, либо становятся “психотехникой”, “гимнастикой”. Никакие заимствования с Востока европейцам не помогут, им необходимо вспомнить о собственной религиозной традиции.

Собственную аналитическую психологию Юнг называл то “западной йогой”, то “алхимией XX века”. В сновидениях своих пациентов Юнг постоянно сталкивался с символами, которые были непонятны не только пациентам, не имевшим соответствующей исторической подготовки, но вызывавшие удивление и у Юнга, потратившего многие годы на изучение религиозно-мифологических представлений. По непонятной причине в сновидениях вновь и вновь воспроизводились образы, характерные для эллинистических религий, герметизма, гностицизма. Так как Юнг полагал, что онтогенез повторяет филогенез, то выход на поверхность сознания символов прошлой эпохи означал для него возвращение бессознательного к этому моменту развития коллективной души.

Помощь Юнгу в исследованиях оказало знакомство с алхимией — в 30-е годы он начинает штудировать труды европейских алхимиков, и с тех пор именно алхимия находится в центре его внимания. Алхимия выступает для Юнга как некая натурфилософия гностицизма, она является мостом между гностицизмом и современностью. В символике Св. Грааля и в алхимических поисках “философского камня” мы имеем дело с традицией, которая на протяжении столетий существовала в тени христианства, истребившего гностиков, потом катаров, но не уничтожившего эту ересь до конца. Всякая религия “есть спонтанное выражение определенных господствующих психических состояний”, христианство “сформулировало то состояние, которое господствовало в начале нашей эры и было значимым на протяжении многих последующих столетий”. Но христианство выразило лишь одно — доминировавшее тогда — состояние, все остальные подверглись подавлению и вытеснению. Стоило ослабеть влиянию христианства — и начался выход на поверхность иных психических сил.

Бессознательное живет своей жизнью, в нем продолжается работа, мчавшаяся много лет тому назад. Исторические корни современных символов обнаруживаются в гностицизме. Юнг имеет при этом в виду не столько сложную космологию Валентина и Василида, сколько идеи Симона-мага и Карпократа о женском начале, обожении человеческой плоти. В бессознательном нынешних европейцев происходит замена Троицы четверицей. Земное, темное, женское начало — четвертый элемент — был исключен из символа веры христиан и низвергнут “во тьму внешнюю”. Сейчас он возвращается, возникает новое религиозное состояние. Католический догмат о непорочном зачатии Девы Марии, принятый церковью в 1854 г., догмат о ее телесном вознесении 1950 г., постоянные явления ее верующим на протяжении нашего века — все это, по Юнгу, знаки обожения земного начала. Эти идеи были затем развиты Юнгом в

законченную теологическую доктрину, в которой алхимические и астрологические представления играют значительную роль.

Учение Юнга о мифологии и религии неоднократно подвергалось, критике, поскольку эти духовные образования буквально растворяются им в индивидуальной и коллективной психологии; они становятся выражением то биологически наследуемых архетипов, то некоего “мирового духа”. Но интерес к учению Юнга у многих серьезных исследователей мифологии и религии все же не случаен. На обвинения в мистицизме и иррационализме Юнг обычно отвечал так: “Полнота жизни закономерна и не закономерна, рациональна и иррациональна... Психология, удовлетворяющая один лишь интеллект, никогда не является практичной; ибо целостность души никогда не улавливается одним лишь интеллектом” . Если архетипы понимать как бессознательно воспроизводимые схемы, проявляющиеся в мифах и галлюцинациях, сказках и произведениях искусства, то в таком их понимании нет ничего мистического. Человеческая психика — не “чистая доска”, и в задачи психолога вполне может входить изучение априорных предпосылок опыта. В каком соотношении находятся унаследованные генетические образцы поведения, восприятия, воображения и наследуемые посредством культурно-исторической памяти — это вопрос, к которому с различных сторон подходят этнологи, лингвисты, психологи, этнографы, историки. Принимая учение Юнга об архетипах, мы можем не соглашаться ни с его алхимическими и астрологическими спекуляциями, ни со многими конкретными интерпретациями феноменов культуры.

Юнг продолжал активно работать и в глубокой старости. В восемьдесят лет ему удалось завершить книгу по алхимии, над которой он работал более тридцати лет (он умер в своем имении Кюснахт 6 июня 1961 г. после продолжительной болезни).

В данном томе собраны те произведения, в которых проблемы мифологии и религии ставятся в самом общем виде, в связи с теми или иными положениями аналитической психологии Юнга. Они дают представление о той культурологии (или историософии), которая была развита швейцарским ученым на основе его теории коллективного бессознательного.

А.М. Руткевич